

МАРИАННА

Цикл романов
Ж. Бенцони о любви

JULIETTE
BENZONI

TOI, MARIANNE

Читайте в серии

МАРИАННА, ИЛИ ЗВЕЗДА
ДЛЯ НАПОЛЕОНА

МАРИАННА,
ИЛИ ФАВОРИТКА
ИМПЕРАТОРА

МАРИАННА, ИЛИ ЯЗОН
ЧЕТЫРЕХ МОРЕЙ

МАРИАННА,
ИЛИ РАБЫНИ ДЬЯВОЛА

ЖЮЛЬЕТТА
БЕНЦОНИ

МАРИАННА,

или Рабыни
дьявола

Москва
2016

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44
Б46

Juliette Benzoni
Toi, Marianne

© Juliette Benzoni, Toi, Marianne, 1969. Tous droits réservés

Перевод с французского *С. Нечаева*
Художественное оформление *П. Петрова*

Бенцони, Жюльетта.

Б46 Марианна, или Рабыни дьявола : [роман] / Жюльетта Бенцони ; [пер. с фр. С. Ю. Нечаева]. — Москва : Издательство «Э», 2016. — 416 с. — (Марианна. Цикл романов Ж. Бенцони о любви).

ISBN 978-5-699-91912-3

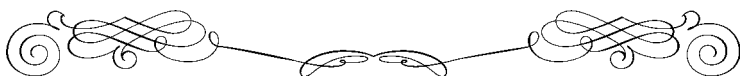
Марианна становится тайным посланцем императора, ей поручена важная миссия в Константинополе, по пути в который она после долгих ожиданий и невзгод наконец-то встретится с Язоном Бофором. Но с первых дней их совместного плавания отношения Марианны и Язона сильно портятся. Человек, которого, как ей казалось, она хорошо знала, ослепленный ревностью, начинает вести себя как настоящий дикарь: ее бросают в шлюпку вдали от берегов. Удастся ли Марианне выполнить свою миссию? Израненная, брошенная на произвол судьбы, найдет ли она когда-нибудь свое счастье?

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44

© Нечаев С.Ю., перевод на русский язык, 2016

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

ISBN 978-5-699-91912-3

Часть первая

В Венеции, где вечер красен...

Глава 1

Флорентийская весна

Любуясь Флоренцией, раскинувшейся под солнцем в своеобразной колыбели из нежных серо-зеленых холмов, Марианна задавалась вопросом, почему этот город одновременно и пленял, и раздражал ее. С того места, где она находилась, была видна лишь часть города — между черной стеной кипарисов и розовым массивом лавров, — но и этот кусочек вобрал всю красоту, словно скряга, чьи карманы набиты золотом: неизвестно откуда оно, но его так много!

За длинной светлой лентой реки Арно, скованной мостами, как будто готовыми обрушиться под грузом средневековых домишек, глазам открывалось скопище красных черепичных крыш, разбросанных как попало над уровнем серых, желтых и молочно-белых стен. Из всего этого многообразия то тут, то там возникали подлиннные шедевры: коралловая булла на сверкающей инкрустации собора Дuomo, посеребренная каменная лилия, полностью так и не распустившаяся на старом дворце Синьории, строгие башни, чьи зубцы порой напоминали бабочек, и колокольни, которые благодаря отделке из разноцветного жизнерадостного мрамора были похожи на пасхальные свечи. Но иногда эта красота вдруг омрачалась кривой темной улочкой посреди почти слепых стен дворца, защищенного решетками, словно несгораемый шкаф, или зловонными трещинами какой-нибудь жалкой лачуги. Или же шумом осыпающихся камней в благоухающем саду, который никто и не думал приводить в порядок.

Флоренция, грея на солнце свои древние кости и увядшие красоты, нежась под васильковым небом с блуждающим одиноким белым облачком, не знаящим, похоже, куда ему направиться, не сомневалась в своем блестящем будущем, равно как и в том, что бег Времени неумолим. Прошлого, безусловно, было достаточно, чтобы питать ее мечты...

Возможно, поэтому Флоренция и раздражала Марианну, для которой прошлое имело ценность, лишь продолжаясь в настоящем и в угрозах, которыми оно омрачало будущее. То самое будущее — туманное и трудноразличимое, — к которому влекла вся ее сущность.

Конечно, Марианне хотелось бы в эту минуту, отдаваясь окружающей ее красоте, разделить эти, пусть мимолетные, мгновения счастья с человеком, которого она так любила! Да и какая женщина не хотела бы этого? Но еще два долгих месяца отделяли ее от встречи с Джейсоном Бофором в лагуне Венеции, как они договорились в ту самую страшную и самую драматичную из рождественских ночей. И это при условии, что им вообще удастся встретиться, ибо между Марианной и ее возлюбленным стояли пугающая тень князя Коррадо Санта-Анна, невидимого мужа, а также неизбежное и, возможно, опасное объяснение, которое молодой женщине предстояло иметь с ним!

Через несколько часов ей предстояло покинуть Флоренцию и ту относительную безопасность, которую давал княгине этот город, чтобы поехать в сторону белого дворца, где легкого пения фонтанов не хватало, чтобы изгнать оттуда зловещие призраки.

Что же произойдет тогда? Какую компенсацию потребует князь в маске от той, кто не смогла выполнить свою часть договора, обязывавшего ее подарить супругу ребенка императорской крови, надежда на которого была непременным условием их брака? Какую компенсацию... или какое наказание?

Разве судьба многих поколений княгинь Санта-Анна не была трагической?

В надежде обеспечить себе лучшего из защитников, самого понятливого и информированного, она сразу же после приезда во Флоренцию послала гонца со срочным письмом в Савон. В письме содержался призыв о помощи, адресованный ее крестному, Готье де Шазею, кардиналу Сан-Лоренцо, человеку, который выдал ее замуж на тех самых невероятных условиях — чтобы обеспечить ее ребенку и ей самой достойное положение в обществе, а также подарить наследника несчастному, который не мог или не хотел произвести его на свет самостоятельно. Ей казалось, что маленький кардинал лучше, чем кто-либо, сможет разобраться в этой драматической ситуации и указать Марианне, как из нее выйти.

Но после долгого отсутствия гонец вернулся с пустыми руками. Ему с большим трудом удалось пробиться в ближайшее окружение Святого Отца, строго охраняемого людьми Наполеона, и полученные им новости оказались малоутешительными: кардинала Сан-Лоренцо в Савоне не было, и никто не мог сказать, где он находится.

Конечно же, Марианна была разочарована. Впрочем, такое положение дел ее не особенно удивило: с возраста, когда она начала что-то понимать, она уже знала, что ее крестный проводит большую часть своей жизни в таинственных путешествиях, осуществляемых специальной службой Церкви, в которой он, по всей видимости, был одним из самых активных тайных агентов, или службой короля Людовика XVIII в изгнании. Вот и теперь крестный, вероятно, находился где-нибудь на краю света, и у него и в мыслях не было, что его дочь во Христе преодолевают какие-то новые проблемы. И ей придется учитывать тот факт, что на помощь с его стороны рассчитывать не стоит...

«Грядущие дни, похоже, не будут безоблачными!» — со вздохом подумала Марианна. Но она уже давно знала, что качества, дарованные ей судьбой при рождении — красота, очарование, ум, мужество, — были не бесплатными подарками, а оружием, благодаря которому ей, возможно, и

удастся завоевать свое счастье. Оставалось лишь узнать, не слишком ли велика будет плата за это...

— Так что вы решили, мадам? — раздался рядом с ней голос, в котором обязательная почтительность едва скрывала нетерпение.

Внезапно вырванная из своей меланхоличной задумчивости, Марианна слегка приподняла розовый зонтик, защищавший ее кожу от солнечных лучей, и посмотрела на лейтенанта Беньелли отсутствующим взглядом, в котором через секунду загорелся зеленый огонек тревоги.

Боже, до чего же невыносим был этот драгун!.. Все шесть недель после того, как она покинула Париж с военным эскортом, начальник эскорта, Анжело Беньелли, как привязанный не отходил от нее ни на шаг!

Это был корсиканец. Упрямый, мстительный, полный ревности к малейшему посягательству на его авторитет и к тому же наделенный отвратительным характером. Лейтенант Беньелли восхищался только тремя личностями в мире: безусловно, императором (конечно, это же был его земляк!), генералом Орасом Себастьяни, ибо тот был родом из той же деревни, что и он, а также третьим военным, также выходцем с прекрасного острова, герцогом Падуанским, Жаном-Тома Арриги де Казанова — тот был его кузеном и к тому же настоящим героем. За исключением этой троицы, Беньелли ни во что не ставил известных людей из Великой армии, будь то даже Ней, Мюрат, Даву, Бертье или Понятовский. Подобное безразличие основывалось на том, что эти маршалы не имели чести быть корсиканцами, а это было для Беньелли недостатком, пусть и достойным сожаления, но, увы, непоправимым.

Не стоит и добавлять, что в подобных условиях его задача — сопровождать женщину, пусть даже княгиню, пусть обворожительную и даже отмеченную особым вниманием Его Величества императора и короля, — представлялась Беньелли тяжким ярмом.

С очаровательной откровенностью, являвшейся самой привлекательной чертой его характера, он сообщил об

этом Марианне еще до того, как они достигли заставы Корбей, и с этой минуты княгиня Санта-Анна абсолютно серьезно задавалась вопросом, а кто она: посол или простая пленница. Анжело Беньелли следил за ней с заботливостью полицейского, преследующего вора-карманника, он все предусматривал, все решал сам, будь то протяженность переездов или удобство номера, который она должна была занять в гостинице (все ночи ее дверь охраняли солдаты), и не хватало только одного — чтобы он принимал участие в выборе ее туалетов.

Подобное положение вещей не могло не вызывать серьезного сопротивления Аркадиуса де Жоливаля, ведь терпение не являлось его главной добродетелью. Первые вечера их путешествия отмечались стычками между виконтом и офицером. Но даже самые лучшие аргументы Жоливаля каждый раз разбивались о единственный довод, на котором Беньелли строил свою защиту: он обязан оберегать княгиню Санта-Анна до заранее обозначенной самим императором даты и он должен оберегать ее таким образом, чтобы с вышеупомянутой княгиней не случилось ни малейшей неприятности. С этой целью он и предпринимает все необходимые предосторожности. А кроме этого, его ничего не интересует.

Раздосадованная поначалу, Марианна постепенно привыкла видеть лейтенанта в качестве своей тени и даже успокоила Жоливаля. Она в конце концов сообразила, что эта слежка, в данный момент такая неприятная, может оказаться просто бесценной, когда, окруженная его драгунами, она пересечет границу виллы Санта-Анна для встречи, что ее там ожидает. Если князь Коррадо Санта-Анна задумает как-то отомстить Марианне, этот непреклонный дог, приставленный Наполеоном к своей подруге, может оказаться ее надежной защитой. Но от этого он не становился менее назойливым!..

Полузабавляясь, полусердясь, она остановила на нем свой взгляд. Этот тип всегда выглядел как разъяренная кошка. Какая жалость! Ведь он вполне мог бы понравиться

даже самой взыскательной женщине. Он был мужчиной среднего роста и крепкого телосложения, с упрямым лицом со сжатым ртом под великолепным носом, уходившим под козырек каски. Его кожа цвета потемневшей слоновой кости краснела с удивительной легкостью, но глаза, открывавшиеся под кустистыми черными бровями и ресницами, почти такими же длинными, как у Марианны, были приятного светло-серого цвета — на солнце они отливали золотом.

Смеха ради, а может быть, и из-за бессознательного (и такого женственного!) желания приручить упрямяца, молодая женщина сделала во время их путешествия несколько робких попыток соблазнить его. Но Беньелли оставался одинаково невосприимчивым и к очарованию ее улыбки, и к блеску ее зеленых глаз.

Однажды вечером, во время обеда в одной менее грязной, чем другие, харчевне, она подстроила ему ловушку в виде белого платья с декольте, достойным Фортюнэ Амелен, и лейтенант отдался на все время трапезы некоей невообразимой глазной гимнастике. Он осмотрел все вокруг, начиная со связок лука, подвешенных к балкам потолка, заканчивая большими черными котлами в камине, не забыв про свою тарелку и каждый кусочек хлеба, но при этом он ни разу не взглянул на золотистое декольте.

Следующим вечером Марианна, рассерженная и уязвленная сильнее, чем она могла себе в этом признаться, уже обедала одна в своей комнате — в платье с высокими муслиновыми рюшами, поднимавшимися почти до ушей, к молчаливой радости Жоливаля, которого поведение его подруги весьма позабавило.

Беньелли внимательно наблюдал за улиткой, которая выбиралась из приятной тени лавров, взбираясь на каменную балюстраду, служившую опорой Марианне.

— Решил что, лейтенант? — переспросила она.

Ироническая нотка в ее голосе не ускользнула от Беньелли, и он немедленно стал пунцовым.

— Я имел в виду то, что мы будем делать, госпожа княгиня! Ее Императорское Высочество великая герцогиня Элиза завтра покидает Флоренцию и отправляется на виллу Марлиа. Мы будем ее сопровождать?

— Собственно, не вижу, а что мы можем сделать еще, лейтенант! Или вы думаете, что я останусь совершенно одна вон там? Когда я говорю «одна», я подразумеваю, конечно же, ваше приятное общество! — сказала она, кончиком резко закрытого зонтика указывая на величественный фасад дворца Питти.

Беньелли непроизвольно вытянулся. Видимо, его шокировало выражение «вон там», адресованное почти императорской резиденции. Он был человеком, питавшим глубочайшее уважение к иерархии и в первую очередь ко всему, что хоть в какой-то степени имело отношение к Наполеону. Но он не посмел ответить, ибо уже знал, что эта странная княгиня Санта-Анна вполне могла показать себя такой же малоприятной, как и он сам.

— Итак, мы поедем?

— Поедем! К тому же владения Санта-Анна, куда вы должны меня сопровождать, находятся недалеко от виллы Ее Императорского Высочества. Так что вполне естественно, что я поеду вместе с ней.

Впервые после отъезда из Парижа Марианна увидела, как на лице ее телохранителя появилась гримаса, которая вполне могла бы сойти за улыбку. Новость явно обрадовала его... Впрочем, он тут же щелкнул каблуками, вытянулся и отдал честь.

— В таком случае, — рывкнул он, — с позволения госпожи княгини, я отправлюсь отдать соответствующие распоряжения и предупредить господина герцога Падуанского, что мы уезжаем завтра.

Затем, прежде чем Марианна успела открыть рот, он повернулся и помчался в сторону дворца, не обращая внимания на бьющую его по икрам саблю.

— Герцог Падуанский? — в изумлении прошептала Марианна. — Но что ему здесь надо?..

В самом деле, она не понимала, какую роль в ее жизни мог сыграть этот человек, действительно необыкновенный, но совершенно ей чуждый, появившийся во Флоренции двумя днями раньше, к заметной радости Бенъелли, для которого он был одним из трех обожаемых божеств.

Прибыв в Италию, чтобы навести порядок в рекрутском наборе и нагнать страх на дезертиров и недовольных, Арриги, кузен императора и генерал-инспектор кавалерии, заявился к великой герцогине во главе простого эскадрона 4-й мобильной колонны¹, приведенной им принцу Эжену, вице-королю Италии. Чисто внешне его вояж в Тоскану не имел никакой иной цели, кроме как повидаться с кузиной Элизой и увидаться с членами своего корсиканского семейства, которые после долгой разлуки поспешили приехать на свидание с ним. Но никто при тосканском дворе и не догадывался о подлинных причинах его военной миссии.

Великая герцогиня, устроившая княгине Санта-Анна (посланице, которая принесла ей весть о рождении Римского короля) пышный прием, встретила генерала Арриги с восторгом, ибо она обожала славу и героев почти так же, как Наполеон и Бенъелли. И Марианна на большом балу, данном накануне вечером в честь герцога Падуанского, увидела склонившегося к ее руке человека необычного, с трагическим лицом; человека, которому многочисленные тяжелые раны, полученные на службе у императора (некоторые из которых были бы наверняка смертельны для

---

¹ Арриги де Казанова в 1809 году стал командующим всей кавалерией императорской гвардии, стоявшей в Париже. После сражения при Эсслинге он стал дивизионным генералом и возглавил 3-ю кирасирскую дивизию. 18 марта 1811 года он был назначен командиром 4-й мобильной колонны, предназначенной для розыска дезертиров и отказников в 27-м (Туринском) и 28-м (Генуэзском) военных округах. В 1812 году он занимался формированием 67 когорт национальной гвардии, предназначенных оберегать побережье Франции от вылазок англичан. — *Здесь и далее прим. перев., если не указано другое.*

кого-либо другого), не мешали оставаться одним из лучших кавалеристов мира.

Надлежащим образом подготовленная рассказами Элизы и Анжело Беньелли, Марианна с нескрываемым интересом смотрела на человека, у которого череп был расколот ударом сабли в бою при Салахии в Египте, у которого сонная артерия была перебита пулей при осаде Сен-Жанд'Акра, а затылок глубоко прорезан ударом палаша при Вертингене. Этого человека наградили еще несколькими «незначительными царапинами» и собрали практически по кускам, отправив на госпитальную койку и в конечном итоге вылечив, но только лишь для того, чтобы он снова встал во главе своих драгун... а затем вернулся назад в виде еще более растерзанном, чем раньше. Но в промежутках между ратными подвигами и восстановлением он был истинным бесстрашным львом: невозможно было сосчитать спасенные им жизни, равно как и пересеченные им впасть реки (а недавно и испанские горные потоки).

И Марианна испытала какое-то странное потрясение, когда их взгляды встретились... У нее появилось удивительное ощущение, мимолетное, но вполне реальное, что она оказалась перед лицом самого императора. В самом деле, взгляд Арриги имел такой же стальной отблеск, как у императора, и он пронзил ее с безжалостной точностью клинка. Но вот голос новоприбывшего быстро рассеял это очарование: низкий и хриплый, наверняка сорванный яростно выкрикиваемыми командами при лихих кавалерийских атаках, он был совершенно непохож на металлический тембр Наполеона, и Марианна испытала облегчение. Встретить кого-то, очень похожего на императора, да еще в тот момент, когда она собиралась пренебречь его приказом и бежать далеко от Франции с Джейсоном, — это действительно было бы последним, о чем она могла мечтать!

Ее первая встреча с Арриги вылилась в обмен учтивыми фразами, которые не позволяли и предположить, что генерал мог хоть в малейшей степени интересоваться делами

Марианны. Поэтому ей и трудно было понять туманные слова Беньелли. Что за необходимость спешить сообщить герцогу Падуанскому о ее отъезде?

Недовольная и мало расположенная ждать возвращения своего неистового телохранителя, Марианна покинула укрытую зеленью террасу и направилась к спускавшейся к дворцу лестнице. Она хотела вернуться в свои апартаменты, чтобы дать Агате, своей камеристке, кое-какие распоряжения, касающиеся завтрашнего отъезда. Но, едва дойдя до фонтана Артишо, она недовольно поморщилась. Беньелли возвращался. Однако он возвращался не один. Шагах в пяти за ним следовал генерал в сине-золотом мундире и громадной треуголке с белыми перьями: это был герцог Падуанский собственной персоной, и он стремительно приближался к Марианне.

Избежать встречи было невозможно, и молодая женщина остановилась, ожидая заметно обеспокоенно и вместе с тем заинтересованно, что же ей скажет кузен императора.

Подойдя достаточно близко, Арриги снял треуголку и учтиво поздоровался, при этом его серый взгляд впился в глаза Марианны и больше не отрывался от них. Затем, не оборачиваясь, он бросил.

— Вы свободны, Беньелли!

Лейтенант щелкнул каблуками, повернулся кругом и мгновенно исчез, оставив генерала и княгиню лицом к лицу друг с другом.

Мало довольная тем, что ее остановили, Марианна спокойно закрыла зонтик, поставила его на землю и оперлась о рукоятку, сделанную из слоновой кости, словно хотела укрепить свои позиции. Затем, немного нахмутив брови, она решила начать атаку. Но Арриги не дал ей для этого времени.

— Глядя на ваше лицо, мадам, я начинаю думать, что эта встреча не доставила вам удовольствия, и я прошу вас извинить меня за то, что я прервал вашу прогулку.

— Моя прогулка закончена, генерал! Я собиралась возвращаться к себе. Что же касается удовольствия или неудо-

вольствия, то я сообщу вам это, когда узнаю, что вы собираетесь сказать мне. Ведь у вас есть что-то для меня, не правда ли?

— Естественно! Но... Могу ли я взять на себя смелость просить вас пройти со мной по этому чудесному саду? Там никого нет, в то время как дворец охвачен предшествующей отъезду лихорадкой... и там все грохочет, словно барабан!

Он учтиво поклонился ей, предлагая руку. Его тяжелые раны на шее были видны над высоким расшитым золотом воротником и черным галстуком, и они вынуждали его поворачиваться всем телом, но это даже как-то гармонировало с его массивной фигурой.

Он продолжал внимательно смотреть ей прямо в глаза, и Марианна, неизвестно почему, покраснела. Может быть, потому, что ей не удалось угадать, что таилось в его глазах.

Желая скрыть замешательство, она положила свою руку в перчатке на расшитый золотом рукав и тут же ощутила, что оперлась на что-то такое же прочное, как борт корабля. Этот человек словно был весь высечен из гранита!

Неторопливо и молча они сделали несколько шагов, покидая просторный амфитеатр из камня и зелени, чтобы уединиться в аллее из дубов и кипарисов, куда ослепительный дневной свет проникал лишь в виде рассеянных отсветов.

— Похоже, вы не хотите, чтобы нас могли услышать? — вздохнула Марианна. — То, о чем-то вы собираетесь мне сообщить, так важно?

— Когда дело касается приказов императора, мадам, это всегда важно.

— Ах!.. Приказы! А я-то думала, что во время нашей последней встречи император сообщил мне все, что ему хотелось?

— Но речь идет не о приказах вам, а о том, что приказано мне. А посему вполне нормально, что я хочу поставить в известность вас, поскольку это касается и вас тоже.

Марианне не очень понравилась подобная преамбула. Она слишком хорошо знала Наполеона, а посему встрево-